

УДК 811.512.111'373

**ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ПЕРЕДНЕГО РЯДА
ПРИУРАЛЬСКИХ ГОВОРОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА***

**CHARACTERISTICS OF THE FRONT-RETRACTED VOWEL PHONEMES
IN THE TRANSURALS DIALECTS OF THE CHUVASH LANGUAGE**

Л. В. Коротаева

L. V. Korotaeva

Стерлитамакский филиал

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Стерлитамак

Аннотация. В статье рассматриваются особенности артикуляции гласных фонем переднего ряда приуральских говоров чувашского языка *ö, e(э), ə, ё, ё', ü, u*, их модификации, связанные как с позиционной обусловленностью, так и с межъязыковыми взаимодействиями. При характеристике указанных фонем приводятся примеры, записанные автором во время фольклорно-диалектологических экспедиций по изучению языка, фольклора, культуры и быта чувашей, проживающих на территории Республики Башкортостан.

Abstract. The article considers the peculiarities of articulation of the front-retracted vowel phonemes of the Transurals dialects of the Chuvash language (*ö, e(э), ə, ё, ё', ü, u*), their modifications associated with both positional dependence as well as language contact. When characterizing the phonemes mentioned, the author provides the examples obtained during folk and dialectological expeditions on researching the language, folklore, culture and way of life of the Chuvash people living in the Republic of Bashkortostan.

Ключевые слова: *говор, фонетическая система, гласные фонемы переднего ряда, артикуляция, акустические и артикуляционные признаки.*

Keywords: *dialect, phonetic system, front-retracted vowel phonemes, articulation, phonic and articulatory features.*

Актуальность исследуемой проблемы. Диалектный язык приуральских чувашей принадлежит к недостаточно исследованной области чувашского языкознания. Народные говоры, которые относительно длительное время развивались в иноязычном окружении, имеют важное значение для науки, так как в таких говорах, отдаленных от основных метрополийных диалектов, могут сохраняться особенности языка, утраченные или слабо отраженные в основном чувашском диалектном массиве. Диалектные данные дают возможность шире ставить вопросы о реальных взаимоотношениях чувашского языка с другими тюркскими языками и этапах его развития.

Материал и методика исследований. Источником для данной статьи послужили материалы фольклорно-диалектологических экспедиций, собранные автором на территории распространения исследуемых говоров, а также опубликованные работы по чувашской диалектологии. Основой исследования является фонетический анализ фактического материала. Сопутствующими методиками, по необходимости, стали: сопоставительный анализ фонети-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00383/15)

ческих особенностей чувашского литературного языка и его приуральских говоров, метрополийных диалектов, что позволяет выявить общее и специфическое в них; сравнительно-исторический анализ диалектного материала – сравнение с другими тюркскими языками в целях установления их общности; при сборе фактического материала использованы полевой метод и метод качественной обработки данных.

Результаты исследований и их обсуждение. Результаты лингвогеографического изучения чувашских говоров Республики Башкортостан неоднократно публиковались автором данной работы в виде отдельных статей и тезисов, учебно-методических пособий, словарей, монографий. В настоящей статье с опорой на личные полевые наблюдения описывается говор чувашей Альшеевского, Аургазинского, Белебеевского, Бижбулякского, Гафурийского, Зилаирского, Ишимбайского, Ермекеевского, Кармаскалинского, Куяргазинского, Стерлибашевского, Стерлитамакского, Миякинского, Уфимского, Федоровского, Чекмагушевского, Шаранского районов Республики Башкортостан. На основе сравнительного анализа ряда говоров показана фонетическая система исследуемых ареалов, ее отличие от фонетической системы литературного языка. Исследование полученных данных на предмет выявления системы гласных фонем переднего ряда показало, что в приуральских говорах чувашского языка встречается 7 гласных фонем. Гласные фонемы указанного говора, за исключением *ö, ə, e'*, артикуляционно и акустически почти не отличаются от соответствующих гласных фонем чувашского литературного языка.

В статье рассмотрены позиционные изменения гласных фонем переднего ряда, происходящие в анлауте, инлауте и ауслауте слова. Методом сплошной выборки было извлечено 115 лексем, которые послужат интересным материалом для дальнейшего изучения диалектного языка.

1. Фонема *ö*.

Губная гласная фонема среднего подъема, переднего ряда *ö* по артикуляционным и акустическим признакам схожа с соответствующими фонемами каракалпакского [3, 33], казахского, бахмальского, узбекского [4, 112–113] говоров и других тюркских языков. Указанная фонема характерна и для приуральского говора верхового диалекта. Т. М. Матвеев полагает, что «звук *ö*, сузившийся в *y* в более раннюю эпоху, под влиянием языка марийского опять восстановился и повлек за собою другие случаи, где не было *ö*» [7, 41]. Г. Е. Корнилов считает этот факт исконным, а не возникшим в результате влияния соседнего языка [6, 106–107].

В приуральских говорах чувашского языка гласная фонема *ö* употребляется **в абсолютном начале слова**: *öстер* ‘вырастить, воспитывать’ (Стерлит.: Косяковка) – чувашское глагольное образование на *-тер* от *ös* < чув. *üs* ‘расти, развиваться’; **в начальном слоге слова**: *пöтек* ‘ягненок’ (Стерлит.: Косяковка) – *путек* (лит.), *пүтек*, *потяк*, *потек*, *пытяк*, *пытек* (диал.) и т. п.

2. Фонема *e(э)*.

Гласная фонема переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованная *e(э)* в указанных говорах встречается: **1) в абсолютном начале слова**: *a) в тюркских заимствованиях*: *ейән* ‘традиционный весенний татарский народный праздник’, ‘джиен’; ‘сабантуй’ (Бижб.: Зирыклы) (< тат. *жыен* ‘мир, сход, сходка’); ‘молодежное гулянье (летом на лоне природы)’; диал. ‘сабантуй’; башк. *йыйын* ‘съезд народных племенных представителей’; ‘народное гуляние’; ‘компания’ < тюрк. *йый* ‘собирать’, *йыйын* ‘собираться’); *ейёл* ‘разливаться (о реке), расползаться’ (Мияк.: Новые Карамалы) (< тат. *жәел*, башк. *йәйел* ‘разливаться (о реке)’; ‘выйти из берегов, расплываться, расползаться, расстилаться’); *ейме* ‘блины из пресного те-

ста' (Белеб.: Старосеменкино) (< тат. *жәймә*, башк. *йәймә* 'тонко раскатанное тесто из пшеничной муки для лапши', диал. 'лепешка'); *екерлэ* 'бодрый, крепкий' (Аург.: Ташлыкуль) (< тат. *егәрле*, *жәегәрле*, башк. *йегәрле* 'мощный, сильный' < тат. *егәр* 'мощь, сила', перс. *йигер* 'печень'); *емккә* 'щипцы (для углей)' (Фед.: Кирюшкино) (< тат. диал. (мензел.) *жәмки*, *жәмкый*, *жәмкә*, башк. *йемке* 'тж.>'); б) в русских заимствованиях: *ешчэк* 'телега (для тяжелой клади)'; 'фурманка' (Мияк.: Кожай-Семеновка) < рус. 'ящик'; *ерминккә* 'ярмарка' (Ишимб.: Васильевка) < рус. разг. *ярманка*; 2) в середине слова: *кехёрлэ* 'жалкий, жалостный, плачевный; жалостливый': *Хёрача* – *кехёрлэ чун* (Девочка – жалостливая душа) (Мияк.: Сокол-Михайловка) (< тат. *каһәрле*, башк. *кәһәрле* 'проклятый'; 'злой, гневный, яростный, свирепый, грозный, жестокий'); *кечеккей пүрне* 'мизинец' (Давл.: Чуюнчи-Николаевка) – ср. тат. *кечкенә*, *кеchteки* 'маленький'; *кечекентәй* 'малюсенький', башк. *кескәй* 'маленький', 'малюсенький'; диал. *кестеки*, *кечикә* 'маленький'; *кескәнтәй* 'мизинец' – чув. *качака пүрне*, *качаккай пүрне*, *кача пүрне*, *кечеккей пүрне*; *кёверенкә* 'фунт' (Фед.: Новоселка) – ср. тат. *гөрәнәнкә*, башк. *корәнкә* 'фунт' < рус. *гривна*, *гривенка*; чув. диал. (метр.) *кёренк(к)е*, *кёрепенке*, *кёревенке*, *кёрепенк(ё)*, *кёрпенккә*; 3) в конце слова: *кевлэ* 'жевать (о скотине)' (Аург.: Северли) – *кавле* (лит.), *кавля*, *келле* (чув. диал. (метр.)); ср. тат. *кушә*, диал. *көйшә*, башк. *көйшә* 'жевать жвачку (о животных)'; *кевте* 'туловище, стан, корпус' (Аург.: Бишкаин); (< тат. *гәүдә* 'туловище', башк. *кәүзе* 'туловище, тело, стан, корпус'); *ёсте* 'добавлять, добавить, набавить, прибавить, дополнить, долить' (Шар.: Дюртюли) – чув. лит. *сёте* (< тат., башк. *өстә* 'прибавлять', 'добавлять', 'набавлять'); *пәйшиклэ* 'запаривать, обрабатывать кипятком' (Бижб.: Зириклы) – тат. диал., башк. *бешеклә* 'ошпаривать, обваривать' < *беи* 'вариться'; чув. лит. *пәйшәхла* 'запаривать'.

В говорах чувашей Республики Башкортостан вместо гласного *е(э)* наблюдается употребление *а*, *и*, *ё*: *пахил* (Мияк.: Суккул-Михайловка) вм. лит. *пехил* 'напутствие, доброе пожелание'; *чия* (Ерм.: Суккулово) вм. лит. *чие* 'вишня'; *вёренә* (Ишимб.: Васильевка) вм. лит. *вёрене* 'клен'; *сирён сирән* (Куюрж.: Павловка) вм. лит. *сирён сирәнчен* 'про вас'; *пукани* (Альш.: Андриановка) вм. лит. *пукане* 'кукла'; *тик* (Аург.: Куезбашево) вм. лит. *тёк* 'спокойно; тихо'; *мишә* (Мияк.: Сокол-Михайловка) < рус. *межа*; *пёрмечё* (Аург.: Новофедоровка) вм. лит. *пёрмече* 'складка, сборка'.

3. Фонема *ә*.

Гласная фонема переднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованная *ә* представляет собой твердую пару фонемы *э*. По акустическим и артикуляционным признакам ничем не отличается от соответствующей фонемы татарского языка. В приуральских говорах чувашского языка встречается в абсолютном начале слова: *әсә* 'ты' (Карм.: Ефремикино) – лит. *эсә* 'ты'; в первом слоге: *пәтә* 'очень'; 'сильно, крепко' (Уф.: Камышлы) – лит. *питә*; *пәлеккәй* 'маленький, малюсенький'; 'мальш' (Карм.: Николаевка) < тат., башк. *бәләкәй* 'маленький', 'небольшой' – диминутив на *-кәй* от *бала* 'дитя', 'ребенок'. Особенности произношения открытого *ә* влияют на качество соседних консонантов, которые акустически производят впечатление незначительного смягчения под его воздействием.

Относительно происхождения фонемы *ә* в тюркских языках существует несколько точек зрения. Н. А. Баскаков считает, что данная фонема вошла в тюркские языки в период проникновения арабо-иранской лексики [3, 34]. С этим мнением соглашаются Н. В. Юшманов и Е. Д. Поливанов [5, 28–29]. Мы считаем, что возникновение фонемы *ә* в языке приуральских чувашей непосредственно обусловлено влиянием фонетической системы татарского языка.

4. Фонема *ё*.

Краткая неогубленная фонема переднего ряда, нижнего подъема *ё* встречается: **1) в абсолютном начале слова:** а) в исконных словах: *ёсе кёр* ‘занести’ (Аург.: Тряпино) – общечув. *илсе кёр*, диал. *ис кёр*; *ёсёр* (Ишимб.: Васильевка) – лит. *вёсер*; *вёсерт* ‘высвободить, отцеплять, спускать (с цепи), расстегивать, разнимать’; б) в тюркских заимствованиях: *ёренкё* ‘возможность’ (Бижб.: Базлык) < тат. *рэнге*, *өрэнге* < перс. *рәнк* ‘цвет’; тат. диал. (перм.) *өрәнкесез кеше* ‘человек, который говорит бестолково’ [11, 66] – ср. чув. *ёренки сук*; *ёренки пётнё*; *ёренкёсёр*; *ним ёренки те сук* и т. д.; азерб. *рәнк*, туркм. *генк* ‘цвет, окраска, пигмент’; ‘тон, колорит’; тат. *рәң*, *рәнек* ‘цвет, окраска, краска’ [10, 486] < перс.; *ёрехетлән* ‘радоваться, наслаждаться, блаженствовать’ (Ишимб.: Васильевка) < тат., башк. *рәхәтлән* ‘наслаждаться, насладиться, блаженствовать, получать (получить) удовольствие, наслаждение’, ‘делать (сделать что-либо для собственного удовольствия)’; *ётлән* ‘мучиться, переутомиться, уставать, обессилеть’ (Карм.: Николаевка) < тат. *этлән* ‘мучиться, измучиться’, ‘тужиться, поднатужиться’, башк. *этлән* ‘мучиться’, ‘измучиться’, ‘намучиться’ < *эт* ‘собака’, букв. ‘насобачиться’; ср. общечув. *йытй* ‘собака’, отсюда: *йыт(й)-лан* / *ййт(й)-лан*; *йытй пул* ‘уста(ва)ть (как собака)’; в) в русских заимствованиях: *ёрет* (Стерлиб.: Тятербашево) < рус. *ряд*, ср. тат., башк. *рәт* ‘ряд, порядок’; *ёскёрт* (Аург.: Месели); *ёскёрт* (Мияк.: Сокол-Михайловка) < рус. ‘скирд, скирда’; **2) в середине слова (в первом слоге):** а) в исконных словах: *йёттёр* (Фед.: Кирюшкино) – лит. *йётёр* ‘скалка, каталка’ – ср. мар. *йытыр*, *итыр* ‘скалка’ < чув.; чув. лит. *йётёр*; *йёплёхән* ‘крыжовник’ (Аург.: Бишкаин) – чув. лит. *йёплё хурляхан* ‘крыжовник’, чув. диал. (метр.) *йёплёхән*; видимо, контаминация *йёплё* ‘иглистый’, ‘шипастый’ и *хурляхан* ‘крыжовник’; б) в тюркских заимствованиях: *кёл* ‘всегда, постоянно’ (Чекм.: Новоюмашево) < тат., башк. *гел*, тат. диал. *кел* ‘постоянно, всегда, все время’; *кёлеккэй* ‘жеребенок’ (Чекм.: Новоюмашево) < тат. диал. *колкай*, *көлөкий*, *көлөкэй*, башк. диал. *көлкэй*, *көлөкэй* ‘тж.’; в) в русских заимствованиях: *кёлентёр* ‘крендель’, ‘баранка, сушки’ < рус. *крендель*; *кёленче* ‘стекло’, ‘стеклянный’ (Аург.: Шланлы) < рус. *склянка*, *скляница*; **3) в середине слова (во втором и последующих слогах):** а) в исконных словах: *пётпёттёт* ‘лепетать’ (Мияк.: Сокол-Михайловка); ‘кричать (о перепеле)’ (Мияк.: Новые-Карамалы) – собственно чувашское глагольное образование на *-тет* от подражательного крику перепела *пётпёл(тёк)*; *кёлёмсё* ‘нищий, собирающий подаяние, попрошайка’ (Карм.: Николаевка) – лит. *кёлёмс* ‘тж.’ (< *кёле-м-сё* < *кёле* ‘молить, умолять, просить’; *кёлем* ‘просьба, прошение’); *сёклевлё* ‘с браным узором, с вытканым узором’ (Ишимб.: Васильевка) – собственно чувашское именное образование на *-лё* от *сёклев* ‘подъем’, ‘приподнимание (основы холста при браном ткачестве)’; б) в тюркских заимствованиях: *кёнтёк* ‘сердечник, шкворень’; ‘сердечник у телеги’ (Чекм.: Новоюмашево) < тат., башк. *кендек* ‘сердечник’, ‘шкворень’, ‘стержень’ (первоначально ‘пуп, пупок’); *күлмеклө* ‘богатый, с приданым’ (Бижб.: Кош-Елга) < тат. *кулмәк*, башк. *кулдәк* ‘рубаша’, ‘рубашка’, ‘сорочка’; *кулмәкле* ‘имеющий рубашку’; *мемёрчө* ‘яма (углубление)’ (Аург.: Ташлыкуль) < башк. *мәмерйә* ‘пещера’, диал. ‘яма глубиной в 30–40 метров’; в) в русских заимствованиях: *кирпёс* (Карм.: Николаевка) < рус. ‘кирпич’; *пичёкө* (Аург.: Шеверли) < рус. *бочка*; *палеичёк* ‘лесник, охранник леса’ (Мияк.: Новые-Карамалы) < рус. обл. *полесчик*, *полешич*; **4) в конце слова:** а) в тюркских заимствованиях: *мёнкө* ‘постоянно, всегда, вечно’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) < тат., башк. *мәнге* ‘вечно’, ‘навечно’; *меттө* ‘грязь (жидкая)’ (Аург.: Наумкино) < тат. диал., башк. *мәте* ‘глина’, ‘ил’; *пекө* ‘складной нож’ (Бижб.: Кистенли-Богданово) (тат. *пәке*, башк. *бәке* ‘нож перочинный’); б) в русских заимствованиях: *мечө* (Аург.: Новофедоровка) < рус. ‘мяч’.

Наблюдаются следующие случаи соответствия гласных:

и ~ *ё*: *тик* (Аург.: Куезбашево) в м. лит. *тёк* 'спокойно; тихо'; *шйхличй* (Мияк.: Новые Карамалы) в м. лит. *шйхличё* 'свисток';

й ~ *ё*: *кйнчалла* (Карм.: Николаевка) в м. лит. *кёнчеле* 'прялка'; *чйрситти* (Зил.: Бердяш) в м. лит. *чёрситти* 'фартук';

э ~ *ё*: *элкё* (Мияк.: Новые Карамалы) в м. лит. *ёлкё* 'выкройка, образец'.

5. Фонема *ё*^о.

Краткая гласная фонема переднего ряда, нижнего подъема, лабиализованная *ё*^о в приуральских говорах употребляется лишь в некоторых словах, которых меньше, чем в говорах верхового диалекта чувашского языка: ср. *чёррё*^о (Давл.: Камчалытамак) – *чёрё* 'живой' (лит.); *кёл* (Давл.: Чуюнчи-Николаевка) – *кёл* (лит.) 'зола'. Губная гармония такого вида характерна для урмарского говора среднего диалекта, хотя встречается и в красночетайском говоре верхового диалекта чувашского языка. Следует подчеркнуть, что процесс делабиализации древних губных гласных в чувашском языке начался давно, но окончательно до сего времени не завершился, о чем свидетельствует наличие большого количества слов с лабиализованными *я*^о, *ё*^о [1]. В целом ряде слов в верховом диалекте чувашского языка и приуральских говорах гласные *я*^о, *ё*^о делабиализовались, в результате чего образовались омонимы, например, *сёр* 'сто', 'гнить', 'земля', в связи с чем различение *я*^о, *ё*^о в большинстве верховых говоров стало затруднительным [8, 149].

6. Фонема *и*.

Узкая неогубленная фонема переднего ряда, верхнего подъема *и* наблюдается: **1) в абсолютном начале слова:** а) в исконных словах: *ийё* 'долото' (Бижб.: Базлык), *ийё* (Мияк.: Сокол-Михайловка) – чув. диал. (метр.) *ийй*, *ийё*, *ийй*; *ил* 'принимать, приглашать в гости': Салтак *илтёмёр* (Солдата в гости пригласили) (Аург.: Бишкаин); *илу* 'покупка' (Давл.: Чуюнчи-Николаевка) – имя действия на -у от *ил* 'купить, покупать, приобретать'; б) в тюркских заимствованиях: *имён* 'тихо, мирно, спокойно' (Стерлиб.: Тятербашево), *имён* (Давл.: Чуюнчи-Николаевка); *имин* (Фед.: Новоселка) (< тат. *имин* 'здоровый, безопасный', 'благополучный'; 'целый, сохранный', 'невредимый', 'цел и невредим', башк. *имен* 'целый'; 'цел и невредим'); *иккэн* 'потому что, по причине чего-то': Хальччен хушпу *тәһманччё* / Хушпу *йәвәр иккэнне*; / Халличчен туя кайманччё / Туй илемлё *иккэнне* (Карм.: Николаевка) (До сих пор я не носила хушпу, потому что она бывает тяжелой (по причине ее тяжести) / До сих пор я не бывала на свадьбе (не ходила на свадьбы), потому что свадьба бывает красивой (по причине того, что свадьба бывает красивой (и без меня)). Туи илемлё *иккэнне* – чтобы свадьба была красивой. Ср. тат., башк. *икэн* в значении вводного слова 'оказывается'; *ин* част. усилит.: *Ин* пёчекки (Самый маленький) (Белеб.: Слакбаш) (< тат., башк. *иң* 'самый', 'весьма', 'в высшей степени'; 'крайний'; 'самый последний') – ср. соб. чув. *ём* в составе *ёмпу* 'великий князь, царь'; *ёмтич(че)* 'дядя (со стороны отца, старший брат отца)'; в) в русских заимствованиях: *илмен* 'Ильин день' (Карм.: Николаевка) < рус. *ильин (день)*; *иккун* 'икона' (Аург.: Шланлы) < рус. *икона*; *интереснй* 'интересный (возбуждающий интерес, привлекающий внимание), увлекательный, занимательный' (повсеместно) < рус. *интересный*; **2) в середине слова (в первом слоге):** а) в исконных словах: *ти* 'говорить, сказать' (Аург.: Куезбашево) – от собственно чувашского *те*; ср. тат. *де*, как *ти* 'говорить, сказывать'; чув. лит. *те* – вторичная форма от *тай* с палатализацией под влиянием ауслатного -й (часто выпадающего), потому и имеет место нарушение закона сингармонизма: *тийят*, *сийят*; *тиврет* 'растапливать, разжигать, зажигать'; 'затапливать (печь)', 'развести огонь' – от общечувашского *тиверт* (форма понудительного залога от

тив ‘зажечься’); б) в тюркских заимствованиях: *хиç* отрицательное местоимение ‘нисколько, ничуть, никак, совершенно, вовсе’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) < тат. *һичтә*, башк. *һистә* ‘вовсе, совсем’; в) в русских заимствованиях: *писсу́к* ‘сахарный песок’ (Аург.: Новофедоровка) < рус. *песок*; *чимере́* ‘чемерная боль, боль в животе, острая поясничная боль’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) < рус. *чемер* ‘головная боль’, ‘боль в животе, пояснице’; ‘болезнь лошади’; 3) в середине слова (во втором и последующих слогах): а) в исконных словах: *эйкки* ‘сторона’ (Стерлит.: Косяковка) – палатализованная форма от общечувашского *айкки* < *аякки* – притяжательной формы 3 лица на *-и* от *аяк* ‘сторона’; букв. ‘его сторона’, в смысле ‘боковая сторона чего-либо’; опереднение *айкки* > *эйкки* вызвано палатализирующим влиянием мягкого согласного *й* и сингармоническим выравниванием по подударному переднерядному *и*; *шайкярчи́* (Аург.: Асавбашево) – лит. *шайкярч* ‘скворец’; б) в тюркских заимствованиях: *ченёски* ‘вилка (столовая)’ (Бижб.: Кистенли-Богданово) < тат. *чәнечке*, башк. *сәнске* ‘вилка’; ‘острога’ < *чәнәч*, *чәнче* ‘уколоть, подцепить острогой или вилкой’, башк. *сәнскәк* ‘колочка’, ‘игла’, ‘шип’; ср. чув. *сунчӑка* ‘острога (рыболовная)’; в) в русских заимствованиях: *ямши́к* (Стерлит.: Косяковка) < рус. ‘ямщик’; *реçсинкки́* ‘резинка’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) < рус. *резина*; *чуçсинкки́* ‘чесанки’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) < рус. *чесанки* ‘тонкие и мягкие валенки из чесаной шерсти’; 4) в конце слова: *пиçси́* ‘пояс, поясок, кушак’ (Гаф.: Антоновка) – элизия от *пилёк сыххи* ‘поясная повязка’; *пӑрни́* ‘медовуха, медовое пиво’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) – *пӑрни* готовится из вошины после выжимания меда, отсюда *ӑвӑс пӑрни*, букв. ‘выжимки воска’, *карас пӑрни* ‘выжимки сотов’. Иногда выжатые соты с остатками меда вываривали в воде, которую затем заквашивали, полученный таким образом напиток назывался *пӑрнӑ пыл*; собственно чувашское образование от глагола *пӑр* ‘выжимать’; *чӑркуши́и* ‘колени, колено, коленка’ (Гаф.: Антоновка) – собственно чувашское сложение: *чӑр* ‘колено’, ‘колени’ + *пуçси* (притяжательная форма 3 лица от *пуç* ‘голова’) ‘его голова’; букв. ‘голова колена’, первоначально ‘коленчатая чашка’; ср. аналогичную модель словообразования в *хултуçси*: *хул* ‘рука’ + *пуçси* ‘его голова’; букв. ‘голова руки’. В композите *чӑркуçси* прослеживается контаминация *пуçси* ‘его голова’ с *куçси* ‘его глаза’. Диалектное слово *чӑркуши́и* (< *чӑркуçси*) возникло на местной почве в результате корреляции *-çç-* > *-ши-*, очевидно, под влиянием татарского языка, в котором звук *ç* отсутствует. Не исключена контаминация с *хуши́и* ‘его промежуток’: *чӑрхуши́и* букв. ‘промежуток между коленями’; ср. тат. *тез* ‘колено’, *тез баши* ‘коленная чашечка’; диал. *тез кузе* ‘коленная чашечка’; ср. также *тез кумече*, *тез таша*, *тез тенкесе* ‘коленная чашечка’; башк. *тез* ‘колено’; ср. чув. лит. *чӑркуçси* ‘коленная чашечка’.

В анализируемых говорах отмечены случаи употребления звуков *ё*, *й*, *у* вместо *и*: *ёскёрт* (Аург.: Тряпино) вм. лит. *искёрт* ‘держат ребенка в положении, удобном для испражнения’; *кимёрчек* (Мияк.: Сокол-Михайловка) вм. лит. *кӑмӑрчак* ‘хрящ’; *нӑме* (Куюрг.: Павловка) вм. лит. *нӑме* ‘толока’; *ӱкерчӑ* (Мияк.: Сокол-Михайловка) вм. лит. *икерчӑ* ‘блины’; *чейнук* (Фед.: Кирюшкино) вм. лит. *чейник* ‘чайник’.

В зависимости от фонетических условий произношения фонема *и* в говорах чувашского языка несколько видоизменяется: в конце слов после согласных *л*, *н*, *р*, *с*, *т* звук *и* принимает более заднеязычную артикуляцию, произносится как *и^{bt}*. Это явление имеет место на стыке двух морфем и связано с аффиксом выделения и аффиксом принадлежности 3 лица *-и*. В данном случае сами согласные принимают незначительную палатализацию: *пул’л’и^{bt}* ‘его рыба’, *ут’т’и^{bt}* ‘его шаг’. Звук *и* после согласных *й*, *ç*, *ш* также реализуется как *и^{bt}*: *чӑркуши́и^{bt}* ‘колени, колено, коленка’ (Гаф.: Антоновка), *хунеси́и^{bt}* ‘свекор’ (Аург.: Чувашский Нагадак) и т. д.

7. Фонема *j̄*.

Губная гласная фонема верхнего подъема, переднего ряда *j̄* употребляется: **1) в абсолютном начале слова:** а) в исконных словах: *ўплентёр* ‘опрокидывать, перевертывать, ставить вверх дном’ (Мияк.: Новые Карамалы) – собственно чувашская понудительная форма на *-тер* глагола *ўплен* ‘перевернуться навзничь’, ‘перевернуться верх дном’ (возвратная форма на *-н* от неупотребительного глагола *ўпле* ‘перевернуть навзничь’ < неупотребительная форма *ўп* ‘нижня, обратная сторона’; ср. *ўпне* ‘вниз лицом’, ‘ничком’ – дательновинительный падеж от *ўпё* – притяжательной формы 3 лица от *ўп*); ср. собственно чувашское *ўпёнтер* (каузатив от *ўпён* ‘опрокидываться’); *ўпелен* (Аург.: Шланлы) – лит. *упален* ‘ползать’; *ўсленкё* (Аург.: Ташлыкуль) – лит. *сёлеке* ‘слюна’ (прослеживается контаминация с *ўслёк* ‘кашель’); б) в тюркских заимствованиях: *ўкёй амайш* ‘мачеха’ (Карм.: Николаевка) < тат. *уги*, башк. *угэй әсэй* ‘неродная мать’, ‘мачеха’; *ўнеиш* ‘незаконнорожденный (внебрачный) ребенок’ (Давл.: Чуюнчи-Николаевка) < тат., башк. *уйнаш* ‘прелюбодеяние’, ‘разврат, блуд’; ‘незаконнорожденный’ (< *уйна* ‘играть’); **2) в середине слова (в первом и последующих слогах):** а) в исконных словах: *сўпёнь* (Мияк.: Сокол-Михайловка) – лит. *супань* ‘мыло’; *пўтек* ‘ягненок’ (Мияк.: Новые Карамалы) – лит. *путек*; *лўскен* (Фед.: Новоселка) – лит. *лўшкен* ‘промокнуть насквозь’; *хўнеме* ‘свекровь, теща’ (Аург.: Чувашский Нагадак) – собственно чувашское словосложение: *хунь* (< *хуйн* < *хуйан*) + *ама* ‘мать’; букв. ‘мать моей жены (госпожи)’; опереднение *хуняма* > *хўнеме* объясняется ассимилятивным воздействием выпавшего *-й* в этимологическом *хуйан* – ср. тат. *каенана*, башк. *кейне*, диал. *кайнана(к)*, *кайнаней* ‘свекровь’; ‘теща’; *шўрёлчен* ‘глист’ (Карм.: Николаевка) – ср. соб. чув. *шёвёрлчен* < *шёвёр* ‘острый’, ‘остроконечный’; чув. диал. (метр.) *шёвёлчен*, *шёвёрлчен*, *шёкёлчен*, *шёлчен*, *шўлчен*, *шўёлчен*, *шўрлчен*, *шўрёлчен*, лит. *шёвёрёлчен* ‘глист’ (в некоторых говорах и ‘дождевой червь’). Возможно, именное образование от общечувашского *шёвёр* ‘острый’, *шёвёрёл* ‘заостриться’ (к семантике рус. *острица*); ср. тат. *суалчан*, диал. *сывалчан*, *селеу*, *селеучен* ‘червь’, ‘глист’, башк. *селеусен*, диал. *селеу*, *селеужен*, *селеусен* ‘глист’, ‘дождевой червь’ [11, 190]; б) в тюркских заимствованиях: *кўн* ‘соглашаться, смириться’ (Мияк.: Кекен-Васильевка) < тат., башк. *кун* ‘давать (дать) согласие’; ‘поддаваться уговорам’; ‘уступить, идти на уступки’; в) в русских заимствованиях: *кўришэк* ‘кувшин’ (Стерлит.: Косяковка) < рус. *горшок*; *метрўише* ‘душица’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) < рус. диал. *матрешка* ‘название растения’; **3) в конце слова:** *сўхў* ‘тонкие лепешки из пресного теста’ (Белеб.: Старосеменкино) – собственно чувашское именное образование на *-ў* от *сўхеле* ‘скатать тонким слоем’; *сўрў* ‘поездка, странствие’ (Мияк.: Сокол-Михайловка) – имя действия на *-ў* от глагола *сўре*.

Зафиксированы примеры соответствия *ё ~ j̄*: *кёпелеш* (Аург.: Чувашский Нагадак) вм. лит. *кўпелеш* ‘ревновать’; *у ~ j̄*: *йўпль* (Карм.: Николаевка) вм. лит. *йўплё* ‘разветвленный’; *чирккў* (Гаф.: Антоновка) вм. лит. *чиркў* ‘церковь’; *чук* (Карм.: Николаевка) вм. лит. *чўк* ‘кисть на поясах’; *хуи* (Ишимб.: Васильевка) вм. лит. *хўиш* ‘шалаш’; *ё ~ j̄*: *ёстер* (Стерлит.: Косяковка) вм. лит. *ўстер* ‘вырастить’.

Чувашскому [j̄] очень близок по качеству произношения немецкий долгий [ü]. Например: *dünn* (нем.) – *сўхе* (чув.) ‘тонкий’; *zurückkehven* (нем.) ‘возвращаться’; *zurückgehen* (нем.) ‘идти, приходиться обратно’ – *сўре* (чув.) ‘двигаться, ходить’. Аналогичный звук имеется во всех тюркских языках, за исключением узбекского, но он в тюркских языках менее передний, чем в чувашском [9, 35], и произносится как французский *и* в словах *ише* ‘одна’, *фитер* ‘курить’ [2, 10], на слух произносится одинаково как под ударением, так и в неударном положении.

Резюме. В результате изучения фонетической структуры приуральских говоров чувашского языка можно сделать следующие выводы:

1) губной гласный среднего подъема *ö* встречается в начальном слоге слова (*ö́стер* ~ *ýстер* ‘вырастить, воспитать’, *пö́тек* ~ *пýтек* ‘ягненок’). С нашей точки зрения, фонема *ö* приуральского говора является привнесенным элементом;

2) процесс длабиализации древних **o*, **ö*, **y*, **y* в говорах почти завершился, остались лишь отдельные слова с лабиализованными гласными, но вместе с тем на месте звука *ё* появился неэтимологический *ё*: *чё́рё* ‘живой’ – ср. тюрк. *тири* ~ *дири* ~ *дере* ~ *тере* ‘живой’; *пё́чөк* ‘маленький’ – ср. тюрк. *кичик* ~ *кичи* ~ *кичиг* ~ *кечке* ‘маленький, младший’;

3) фонема *э* имеет более заднеязычную артикуляцию, произносится с более широким раствором рта, открыто: *пэ́тё* ‘очень’;

4) формирование системы гласных происходило в сложных исторических условиях. Здесь мы видим влияние нетюркского субстрата, родственных языков и диалектов, общетюркские тенденции, которые в той или иной степени ускорили или замедлили становление и развитие вокализма приуральских говоров чувашского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахвандерова А. Д.* Современное состояние чувашских диалектов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 3(83). – С. 74–78.
2. *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1–2. – М.: Книга по требованию, 2011. – 463 с.
3. *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 544 с.
4. *Данияров Х. Д.* Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком на материалах Самаркандской и Джизакской областей. – Ташкент: Фан, 1975. – 111 с.
5. *Кинесбаев С. К.* Современный казахский язык. Фонетика и морфология: учебник для вузов. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1962. – 451 с.
6. *Корнилов Г. Е.* Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР // Материалы по чувашской диалектологии: сб. ст. – Чебоксары, 1963. – Вып. 2. – С. 133–161.
7. *Матвеев Т. М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии: сб. ст. – Чебоксары, 1960. – Вып. 1. – С. 8–64.
8. *Сергеев Л. П.* Вокализм верхового диалекта чувашского языка // Чувашский язык, литература и фольклор: сб. статей. – Чебоксары, 1972. – Вып. 1. – С. 173–206.
9. *Современный чувашский литературный язык*: в 3 т. Т. 1 / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. – 240 с.
10. *Татар теленен диалектологик сузлеге (Диалектологический словарь татарского языка)*. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1969. – 450 с.
11. *Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка*: в 2 ч. Ч. 2. С–Я / сост. Л. В. Власова, Н. И. Егоров. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2004. – 225 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

азерб. – азербайджанский; Альш. – Альшеевский р-н; Аург. – Аургазинский р-н; башк. – башкирский; Белеб. – Белебеевский р-н; Бижб. – Бижбулякский р-н; Гаф. – Гафурийский р-н; Давл. – Давлекановский р-н; диал. – диалектизм; Ерм. – Ермакеевский р-н; Зил. – Зилаирский р-н; Ишимб. – Ишимбайский р-н; Карм. – Кармаскалинский р-н; Куюрг. – Куюргазинский р-н; мар. – марийский; мензел. – мензелинский; метр. – метрополийные говоры (говоры Чувашской Республики); Мияк. – Миякинский р-н; нем. – немецкий; лит. – литературный; общечув. – общечувашский; перм. – пермский; перс. – персидский; разг. – разговорное слово; рус. – русский; рус. обл. – русское областное; соб. чув. – собственно чувашское слово; Стерлиб. – Стерлибашевский р-н; Стерлит. – Стерлитамакский р-н; тат. – татарский; тж. – то же; туркм. – туркменский; тюрк. – тюркский; Уф. – Уфимский р-н; Фед. – Федоровский р-н; хак. – хакасский; част. усилит. – частица усилительная; чув. – чувашский; Чекм. – Чекмагушевский р-н; Шар. – Шаранский р-н.